

ЧУДО

Сесилу и Дафне Харвуд

*Среди холмов метеорит
лежит, затянутый травой.
Источит дождь, избороздит,
и ветер выветрит его.
Так заберет в себя Земля
пришельца дальнего в свой час,
и пепел звездного огня
так станет кем-нибудь из нас.
А что тут странного, когда
приют блуждающим светилам —
Земля? Ведь и сама она
была космической пылью.
Она с небес спустилась вниз,
сойдя с одной из тех комет,
что мимо Солнца пронеслись,
приняв его огонь и свет.
И если капли все кропят
сухой суглинок — что ж такого?
Они — как жизнь тому назад —
потоки ливня золотого.*

I. Об этой книге

Кто хочет преуспеть, должен верно ставить предварительные вопросы.

Аристотель. Метафизика, II (III), 1

За всю мою жизнь я встретил только одного человека, который говорил, что видел привидение. Интересно тут то, что он (точнее — она) как не верил, так и не верит в бессмертие души. Она считает, что ей померещилось или у нее что-то с нервами. Наверное, так оно и есть. Видеть — одно, верить — другое.

Именно поэтому опыт не скажет нам, бывают ли чудеса. Все то вокруг нас, что называется чудом, воспринимают органы наших чувств — мы видим, слышим, ощущаем, обоняем, чувствуем на вкус, а чувства эти могут ошибаться. Если случилось что-то сверхъестественное, мы не всегда вправе считать, что пали жертвой иллюзии. Если вы придерживаетесь философии, исключаящей чудеса, вы непременно так и скажете. Мы выносим из опыта то, что нам позволит наша философия; и потому бессмысленно к нему апеллировать, пока мы не решили философских вопросов.

Еще меньше может нам дать история. Многим кажется, что мы установим, бывали чудеса или нет, изучая свидетельства «по законам исторического исследования». Но мы и законов этих не установим, пока не решим, возможны ли чудеса, а если возможны, насколько вероятны. Если они невозмож-

ны, никакие свидетельства не убедят нас. Если они возможны, но чрезвычайно маловероятны, нас убедит лишь математически доказанное свидетельство. История таких свидетельств не дает. Если же чудеса возможны, свидетельства вполне могут убедить нас, что многие из них бывали. Итак, история тоже зависит от философии, которой мы придерживались до того, как обратились к источникам. И здесь сперва надо поставить философский вопрос.

Вот пример того, что бывает, когда мы, минуя философию, обращаемся к истории. В одном популярном комментарии к Библии вы найдете споры о том, когда написано четвертое Евангелие. Автор полагает, что оно написано после казни Петра, потому что Христос эту казнь предсказывает; а книга «не может быть написана *до* событий, о которых в ней говорится». Не может, конечно, если предсказаний не бывает. Если же они бывают, довод этот нелеп. Но автор даже не поставил такого вопроса. Он считает несомненным (пусть подсознательно), что их нет. Возможно, он прав; однако не история помогла ему это открыть. Он просто привнес свое неверие в исторический труд. Тем самым труд его совершенно бесполезен для тех, кому нужно знать, *бывают ли* предсказания.

Я задумал эту книгу как введение к историческому исследованию. Сам я не историк и не стану исследовать свидетельства о христианских чудесах; но я хотел бы подготовить к этому читателя. Бесмысленно обращаться к текстам, пока мы ничего не думаем о возможности и вероятности чудес. Те, кто в чудеса не верит, тратят зря время, глядя в тексты, — можно сказать заранее, что они там найдут.

II. Природовер и его противник

— *Быть не может!* — воскликнула м-сс Снип.

— *Неужели где-то живут на земле?*

— *Я лично не слышал, чтобы где-нибудь жили под землей, — отвечал Том, — пока не попал в Страну Великанов.*

— *Попали в Страну Великанов? — удивилась м-сс Снип. — А разве не всюду Страна Великанов?*

Роланд Квиз.

Страна Великанов, гл. XXXII

Под чудом я понимаю вмешательство в природу внеприродной, то есть сверхъестественной, силы*. Если, кроме природы, нет ничего, чудо невозможно. Многие так и думают; их я назову природоверами. Другие полагают, что природа — еще не всё. Первый наш вопрос — кто из них прав. Тут и возникает первая трудность.

Прежде чем начать спор, нужно определить, конечно, что такое природа. К несчастью, определить это почти невозможно. Природоверы считают, что, кроме природы, ничего нет, и потому слово «природа» означает для них «всё», «всё на свете», «всё, что есть». Если мы понимаем под природой это — конечно, ничего другого нет; вопрос остается непостав-

* Многие теологи определяют чудо иначе. Я не собираюсь поправлять их; я просто беру простое, «обычное» понимание чуда, ибо так будет проще говорить о том, о чем, наверное, и думает «обычный» читатель, когда он берет книгу о чудесах.

ленным и спорить не о чем. Другие понимают под природой то, что мы воспринимаем нашими чувствами; но и этого мало, ибо мы не воспринимаем чувствами эмоций, а они, без сомнения, природны.

Чтобы избежать этой западни и решить, о чем же спорят на деле природовер и его противник, попробуем подойти к вопросу круглым путем. Синонимом «природного» признаём слово «естественный».

Рассмотрим пять фраз.

1. В естественном своем виде собака полна блох.

2. Будь поестественней, что ты ломаешься!

3. Здесь все так естественно: трава, цветы, ни асфальта, ни рельсов.

4. Это у вас естественный цвет волос?

5. Не надо бы мне ее целовать, но это было так естественно.

Общее значение обнаружить нетрудно. Естественный цвет — тот, который возник сам по себе, без краски. Собака — в естественном виде, пока ее никто не выкупал. Место, где растут трава и цветы, не тронуты никем. Естественное поведение и естественный поцелуй — такие, какие нам свойственны, если не вмешается нравственность или осторожность.

Итак, «естественное», «природное» — то, что происходит само по себе; то, над чем не надо трудиться; то, что бывает, если мы ничего не делаем. Греческое слово для природы, «*physis*», связано с глаголом «расти»; латинское «*natura*» — с глаголом «рождаться». Естественное, природное возникает и существует *само собой* — оно дано, оно есть, оно спонтанно, непреднамеренно.

Природовер полагает, что последняя реальность, факт фактов — огромный пространственно-временной процесс, который *идет сам по себе*. Всякое событие внутри этой системы обусловлено другим событием и в конечном счете всем процессом. Всякий предмет (скажем, эта страница) таков, каков он есть, потому что другие предметы — такие, какие они есть; в конечном счете — потому, что такова вся система. Все предметы и события тесно связаны друг с другом, ничто не существует «само по себе», ничто не идет «само собой». Например, ни один последовательный природовер не может признать свободу воли, ибо при ней люди способны поступать независимо, вносить что-то от себя. А именно это природовер отрицает. Спонтанность, своеобразие, выдумка предоставлены лишь «всему вместе», и называется это природой.

Противники природоверов вполне согласны, что должно быть что-то самостоятельное, какая-то основная данность, которую нелепо объяснять, ибо она сама — точка отсчета, основа всех объяснений. Но они не называют ее «всем» или «всем на свете». Они считают, что вне этой системы (или, если хотите, сверх нее) есть нечто, а вероятней — Некто, вызвавший ее к существованию. Он существует Сам по себе, она же существует благодаря Ему. Она исчезнет, если Он (или Оно) перестанет поддерживать ее существование; она изменится, если Он (или Оно) изменит ее.

Можно сказать, что природовер описывает реальность как демократ, противник его — как монархист. Природовер считает, что честь и право

самостоятельного существования присущи множеству вещей; противник его — что они принадлежат лишь немногим вещам, а скорее всего — Одной. Как в демократии все равны, так для природовера все предметы и факты одинаково ценны, то есть каждый в той же степени зависит от другого, каждый единственно возможным способом являет себя во времени и пространстве. Противник природовера считает, что некие вещи (скорее всего — Одна) находятся на другом уровне и важнее всех прочих.

Вы можете заподозрить, что сторонники такого взгляда просто привнесли в мироздание строй монархических обществ. С таким же успехом можно заподозрить и природоверов. Оба подозрения перекроют друг друга и не помогут нам решить, кто прав. Верно лишь одно: природоверие распространилось в века демократии, а другая точка зрения, верна она или нет, пользовалась повсеместным признанием в века монархической власти. Сейчас те, кто не мыслит сам, — природоверы; тогда они верили во внеприродное.

Нечего и говорить, что «внеприродное» — то, что мы называем Богом или богами. Впредь я буду говорить лишь о тех, кто верит в Бога, — отчасти потому, что пантеизм не так уж актуален для большинства читателей, отчасти же потому, что пантеисты очень редко считали своих богов создателями мироздания. Античные боги не были внеприродными в строгом смысле слова; они входили в систему вещей и порождались ею. Отсюда вытекает немаловажное уточнение.

Природоверие не исключает веру в Бога. Определенный бог ему не противопоказан. Сложнейшая

система, называемая природой, могла бы породить огромное космическое сознание, проистекающее из природного, как (по их мнению) проистекает из него и человеческая мысль. Этот бог природоверу не помешает, потому что он внутри, а не вне природы, не «сам по себе». Природа как была, так и остается «всем на свете». А вот Бога, стоящего вне природы и создавшего ее, природовер не примет.

Теперь мы можем точнее определить разницу между природовером и его противником. Дело не только в разном толковании слова «природа». Природовер считает, что некий процесс существует сам по себе, сам собой в пространстве и времени и ничего другого нет, а то, что мы называем отдельными вещами и событиями, только части, на которые мы его разделяем, или формы, которые он принимает в тот или иной момент, в том или ином месте. Эту единственную, всеобъемлющую реальность он и зовет природой. Противник же его считает, что только Бог существует сам собой; Он создал рамку времени и пространства и вписанное в нее следование взаимосвязанных событий. Рамки эти и то, что в них, он называет природой. Заметьте, он не утверждает, что Первоначало больше ничего не создало. Возможно, есть и другие природы кроме нашей.

В этом смысле слова может быть несколько или много природ. Не надо путать это с так называемой множественностью миров, то есть с представлением о том, что в пространстве и времени существует множество вселенных вроде островов. Как бы ни были они далеки, они входят в ту же самую природу, что и наше Солнце; они находятся с ней в простран-

ственных, временных да и причинных отношениях. Именно эта взаимная связь внутри системы и создает то, что мы называем природой. Другие природы могут вообще не знать пространства и времени, или их пространство и время никак не связаны с нашими. Именно это отсутствие связи и позволяет нам называть их разными природами. Связь у них есть, но совсем иная: они произошли от одного внеприродного Начала. Их можно уподобить разным книгам одного и того же писателя. Связь между Пиквиком и мисс Гэмп — лишь в разуме Диккенса; так и здесь — обычно одна природа связана с другой только через Творца. Я говорю «обычно», так как мы не знаем, не соприкасаются ли иногда разные природы. Возможно, Бог разрешает каким-то событиям одной воздействовать на другую. Тогда они частично пересекутся, но единой природой не станут, ибо все равно не будет полной связи, а эта, неполная, возникла не из той или другой системы, но из Божественного акта, столкнувшего их. Если это бывает, каждая природа внеприродна, сверхъестественна для другой; но сам факт их взаимопроникновения внеприроден в ином, более точном смысле. И чудеса тогда возможны двух видов: вторжение другой природы и вторжение Творца.

Все это — чистые домыслы. Наличие внеприродного еще ничего не говорит о возможности чудес. Бог, Начало начал, может и не вторгаться в Свое творение; а если их несколько, может и не сталкивать их.

Об этом мы поговорим позже. Пока скажу одно: если мы решим, что природа — не всё, мы не можем

знать, застрахована ли она от чудес. Есть что-то вне ее; но мы еще не знаем, проникает оно в нее или нет. Если же правы природоверы, можно сразу сказать, что чудес не бывает — ничто не проникнет в природу, ведь и проникать нечему. Тогда все то, что мы по неведению принимаем за чудо, — просто события, неизбежно вытекающие из характера всей системы.

Итак, первый выбор — между природоверием и верой во внеприродное.